

На правах рукописи

ЧИЖОВ Николай Сергеевич

ПОЭЗИЯ ИВАНА ЖДАНОВА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

Специальность 10.01.01 — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург–2017

Работа выполнена на кафедре русской литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Комаров Сергей Анатольевич

Официальные оппоненты: **Романова Ирина Викторовна**,
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный
университет», заведующий кафедрой
литературы и журналистики

Барыкин Алексей Валентинович,
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
институт культуры», доцент кафедры
гуманитарных дисциплин

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Томский
государственный университет»

Защита диссертации состоится «14» сентября 2017 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=270057>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент*

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Иван Жданов (1948 г. р.) — один из самых значительных русских поэтов последней трети XX века. Имя поэта прочно вошло в современные учебники по русской литературе, элементы и аспекты поэтики его творчества регулярно становятся предметом литературно-критического и литературоведческого анализа. В то же время остается открытым вопрос о контекстуальной принадлежности поэзии И. Жданова и ее месте в русской поэтической культуре. Так, вслед за М. Н. Эпштейном М. Н. Липовецкий, В. Н. Курицын, О. В. Богданова, А. Ю. Закурено и другие говорят о творчестве современного поэта (как правило, в составе метареализма) в границах постмодернистской парадигмы, но с учетом ориентированности на эстетику модернизма. Т. Л. Рыбальченко, О. А. Дашевская, О. Р. Темиршина, А. А. Житенев, О. И. Северская, К. А. Кедров, И. В. Кукулин изучают художественный опыт И. Жданова с точки зрения включенности в русскую модернистскую традицию. К метафизической поэзии относят творчество автора книги «Неразменное небо» И. И. Плеханова и О. Н. Меркулова. На фоне авангардистской традиции исследуют стихотворные тексты поэта И. Е. Васильев, С. М. Козлова, Е. А. Князева. С нашей точки зрения, индивидуальный авторский миф, направленный на реализацию духовной программы мистериального преображения человека и восстановления всеединой целостности мира, конвергентная интенция, постулирующая сопричастное взаимодействие художественных сознаний (автора, героя и читателя), метафизическая картина мира, поиски равновесия между человеком и историей, ориентация на эстетику и поэтику русского модернизма и развитие в соответствии с современными реалиями неклассических открытий предшественников позволяют рассматривать поэзию И. Жданова, вслед за Т. Л. Рыбальченко, как феномен неомодернизма (вариант — «высокого модернизма»).

При этом поэзия И. Жданова, несмотря на наличие многочисленных работ, направленных на ее анализ и интерпретацию, остается малоизученной в системно-целостном аспекте. Недостаточно разработанными являются вопросы воплощения аксиологических и мировоззренческих ориентиров И. Жданова на основных уровнях его лирической системы и определения генетических истоков творческого опыта поэта в неклассической традиции. Все это в совокупности открывает очевидную перспективу для **актуального исследования** художественного творчества И. Жданова. Вместе с тем все характеризующие его аспекты невозможно системно проанализировать в рамках одной диссертационной работы. Поэтому, обратившись в качестве объекта исследования к поэтике лирики И. Жданова, — системе «структурных особенностей» поэтического творчества

художника слова и совокупности «закрепленных за ними смыслов»¹, — мы остановились на тех элементах как на предмете исследования, что наиболее концептуально ее выражают и позволяют рассмотреть стихотворные тексты поэта в ближайшем и отдаленном литературных контекстах. К таковым были отнесены мифопоэтика, инвариантный сюжет (метасюжет), выступающий в качестве «основного мифа»², субъектная и образная структуры.

Выбор предмета исследования был обусловлен и **степенью разработанности** в отечественном и зарубежном литературоведении анализа поэтики стихового творчества И. Жданова. Так, проблема метасюжета в работах о поэте еще не поставлена, а значит, и не выявлен индивидуальный ждановский миф, что принципиально для понимания неклассического типа поэзии. Хотя проблемы мифопоэтики, субъектной структуры и образного языка фиксировались в качестве значимых и специфических, в работах преобладали две тенденции — формульность интерпретаций как аргумент связей Жданова с развитием русской модернистской традиции, а также выборочность и фрагментарность анализируемых текстов. Весь объем стихового материала не подвергался целенаправленному исследованию в обозначенных аспектах. Предметность заявленного круга проблем поэтики определяется для нас и причинами методологического характера. Мы в своем исследовании ориентируемся на традицию, идущую от М. М. Бахтина, в частности представленную в работах С. Н. Бройтмана о субъектно-образной специфике стихотворных текстов в неклассической лирике, на опыт представителей структурно-семиотического подхода в описании поэтического мира и мифопоэтики, в частности Ю. И. Левина, изучавшего глобальный сюжетный инвариант в лирике, и на традицию исторической поэтики.

Обращение к данным уровням лирической системы связано с возможностью через их изучение непосредственно выйти к ценностно-мировоззренческим ориентирам и особенностям художественного мышления поэта. В этом плане для нас важен опыт О. В. Зырянова, который показал, ориентируясь на подход Ю. И. Левина, что исследование сюжетного инварианта (метасюжета) в поэзии классических авторов (А. Пушкин, Ф. Тютчев, М. Лермонтов) позволяет реконструировать «систему художественных представлений поэта о мире и человеке, его поэтическую концепцию личности»³. Кроме того, в неклассиче-

---

¹ Тamarченко, Н. Д. Поэтика / Н. Д. Тamarченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 182.

² Левин, Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю. И. Левин // Тютчевский сборник / под общ. ред. Ю. М. Логмана. — Таллинн: Ээсти раамат, 1990. — С. 143.

³ Зырянов, О. В. Онтология поэтических систем (Пушкин–Тютчев–Лермонтов) и христианская картина мира / О. В. Зырянов // Классическая словесность и религиозный

ской поэзии автор, лирический субъект (объект) и читатель являются взаимобусловливающими ценностными полюсами эстетического события, поэтому системно-целостное исследование субъектной структуры дает представление и о художественной аксиологии поэта.

Материалом данного исследования стали стихотворения и проза в поэтических книгах И. Жданова («Неразменное небо», 1990 г., «Место земли», 1991 г., «Фоторобот запретного мира», 1997 г., «Воздух и ветер», 2005 г., «Уединенная мироколица», 2013 г.), высказывания поэта в интервью и эссеистика, опубликованные в журнальных изданиях и на официальном сайте ivanzhdanov.com. Следует отметить, что мы прибегали к анализу нестиховых видов творчества И. Жданова с целью определения его мировоззренческих, аксиологических и эстетических ориентиров, чтобы четче выявить механизмы их воплощения во внутреннем мире стихотворных текстов.

Цель работы — исследовать поэтику стихов И. Жданова с учетом контекста русской поэтической культуры второй половины XX века.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть мифопоэтику И. Жданова в аспекте реализации основной идеи (доминанты), воплощенной в стихотворных текстах поэта в качестве инвариантной модели метасюжетной событийности;

2) выявить специфику субъектной организации стихотворных текстов И. Жданова в контексте неклассической лирики, в частности, поэтических практик последней четверти XX века;

3) раскрыть особенности образного языка И. Жданова с точки зрения его функционирования в границах неклассической парадигмы и обосновать единство образной и субъектной структур в лирике поэта;

4) определить художественные средства выражения в поэзии И. Жданова сопряченного взаимодействия порождающего и воспринимающего эстетических сознаний.

Методология работы обусловлена целью и задачами исследования. В ее основе лежит сочетание элементов системно-целостного, мифопоэтического, структурно-семиотического, мотивного, стиховедческого, культурологического и сравнительно-исторического подходов к анализу литературных явлений. В **историко-литературном** плане исследование ориентировано на работы В. В. Абашева, Л. П. Быкова, И. Е. Васильева, О. А. Дашевской, Р. В. Дуганова, А. А. Житенева, С. М. Козловой, В. Г. Кулакова, Ю. И. Левина, М. Н. Липовецкого, И. И. Плехановой, Т. Л. Рыбальченко, И. В. Романовой, Т. А. Снигиревой,

---

дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). Вып. 2: Эволюция форм художественного сознания в русской литературе. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. — С. 121.

О. Р. Темиршиной, М. Н. Эпштейна, и др. **Теоретико-литературной и стиховедческой** основой исследования послужили труды А. Н. Веселовского, А. Н. Афанасьева, М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, С. Н. Бройтмана, М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, В. М. Жирмунского, О. В. Зырянова, А. В. Исаченко, Б. О. Кормана, Г. П. Козубовской, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, И. П. Смирнова, Д. С. Самойлова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы, В. Н. Топорова, О. М. Фрейденберг, Л. Ю. Фуксона, М. Элиаде, Д. Кэмпбелла, К. Юнга и др.

Научная новизна диссертационного исследования определяется, во-первых, изучением мифопоэтики И. Жданова сквозь призму метасюжета возвращения, во-вторых, системным анализом субъектной и образной структур лирики поэта на предмет выражения принципов неклассической парадигмы поэзии и аксиологии автора, в-третьих, описанием изучаемых элементов поэтики в концептуальном единстве, а именно с точки зрения реализации идеи возвращения.

Исследование исходит из следующей **рабочей гипотезы**: идея возвращения к целокупному единству людей, Бога и природного мира выступает в качестве доминанты художественного мышления поэта, воплощается на всех уровнях поэтики и становится концептуальным ядром аксиологической системы его творчества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. И. Жданов, создавая художественный мир на пересечении разновременных культурно-мифологических контекстов, выразил эсхатологическое мироощущение человека второй половины XX века, **находящегося в ситуации** экзистенциального одиночества, богооставленности, незащищенности от эсхатологического воздействия истории. При этом, исходя из постулата ответственности человека перед судьбой мира, поэт ориентирует творчество на поиски устойчивых координат преодоления катастрофичности бытия и восстановления утраченного единства людей.

2. Художественным императивом поэта является идея возвращения, ее смысловой потенциал определяется проекцией на христианскую (притчевый сюжет о блудном сыне), античную (например, миф об Одиссее), психоаналитическую (учение К. Юнга и его последователей об индивидуации и коллективном бессознательном) и ритуально-обрядовую традиции. В основе последней лежит миф о вечном возвращении и героический миф, пробразом которого выступает обряд инициации, где адепт проходит ритуальный путь, включающий фазы символического умирания и возрождения (возвращения).

3. Идея возвращения воплощается в поэзии И. Жданова в форме метасюжета как инвариантной модели организации лирической событийности. Программа восстановления гармонии мира, реализуемая в метасюжете возвращения, предполагает, во-первых, духовное совершенствование человека путем

преодоления индивидуалистской обособленности от других людей, оторванности от Бога и отчужденности от природного мира, а во-вторых, всеобщее (то есть в единстве со всеми) мистериальное преобразование действительности.

4. Сосредоточенность на осмыслении с философских позиций проблем бытия и места в нем человека, формирование лирических событий в мифопоэтической реальности и объективированном пространстве коллективно-бессознательного, отталкивание от исповедальной лиричности поэтов-шестидесятников и открытого индивидуализма поэтов Серебряного века приводят к деперсонализации лирического субъекта и актуализации межсубъектных и синкретических форм поэтического высказывания в стихотворных текстах И. Жданова.

5. В отличие от поэтов-концептуалистов, преодолевающих ориентацию официальной советской поэзии на лирического героя многоголосием или высказыванием от ролевых масок, И. Жданов сохраняет эмоционально-идейное единство лирики, воплощенное в собирательном образе человека, сопричастного всем людям и выражающего в архетипических образах личность самого поэта. В парадигму ждановского человека входит образ поэта-медиума, проводника божьей воли, переживающего чувство вины за разобщенность людей и несовершенство мира.

6. Смысловой потенциал воплощенного в лирических высказываниях поэта откровения о пути спасения мира предполагает творческое соучастие Другого (адресата-читателя). В результате поэзия И. Жданова включается в контекст теургической эстетики и становится особым мистериальным пространством преобразования и космизации жизни. Диалогические, синкретические и метатекстовые формы лирической субъектности в стихотворных текстах поэта направлены на углубленное подключение к процессу конвергентного взаимодействия воспринимающего сознания читателя.

7. В стихотворениях И. Жданова словесные образы частотно ориентированы на архаические формы образного языка (параллелизм, символ-приложение, метаморфоза и т. д.) и направлены на программное выражение синкретической целостности бытия, в частности, единства человека и природного мира. В целом для образной организации лирики поэта характерно неклассическое сочетание синкретической и условно-поэтической образности в отдельных текстах.

Степень достоверности результатов обеспечивается:

1) привлечением репрезентативного материала — основного корпуса стихотворных и прозаических текстов И. Жданова и широкого контекста русской классической и неклассической лирики, представленного стихотворениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, О. Манделштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, Н. Рубцова, И. Бродского и др., 2) последова-

тельным применением литературоведческой методологии для анализа поэтики творчества И. Жданова, 3) корректным и квалифицированным анализом стихотворных текстов поэта, 4) соответствием полученных результатов рабочей гипотезе, заявленной в диссертации, 5) наличием публикаций по теме исследования в признанных научным сообществом печатных журналах и интернет-ресурсах.

Апробация работы проводилась в форме докладов на следующих научных конференциях: XI, XII **Всероссийские научные конференции с международным участием «Дергачевские чтения»** (г. Екатеринбург, 2014, 2015 гг.); 37, 38 и 39 Международные научные конференции, посвященные празднованию Дней славянской письменности и культуры, памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Тюмень, 2014, 2015, 2016 гг.); V и VI Международные научные конференции «Экология языка на перекрестке наук» (Тюмень, 2014, 2015 гг.). Работа обсуждалась на заседании кафедры русской литературы Тюменского государственного университета.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в установлении взаимосвязи между мифопоэтикой, метасюжетом, образным языком и ориентированной на диалог взаимодействующих сознаний (автора, лирического субъекта и читателя) субъектной структурой лирики И. Жданова, что уточняет подходы к изучению индивидуальных систем русской неклассической поэзии последней трети XX века.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы второй половины XX века, в спецкурсах по неклассической русской лирике.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, системы затекстовых примечаний, оформленной как сквозная нумерация посредством надстрочных обозначений, трех приложений. Общий объем диссертации — 261 стр. Библиографический список включает 268 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы, формулируются цель, задачи, рабочая гипотеза, научная новизна, положения, выносимые на защиту, методологическая основа исследования, апробация, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Особенности мифопоэтики И. Жданова» посвящена исследованию обозначенного в заглавии уровня художественной системы автора

книги «Воздух и ветер» в контексте русской поэтической традиции и социокультурной ситуации последней трети XX века. Глава состоит из трех разделов.

В первом разделе «Творчество поэта в историко-литературном контексте: проблема метасюжета» предпринимается попытка систематизировать исследования в отечественной филологии, посвященные определению влияния модернизма начала XX века на творчество изучаемого автора. Исследователями установлено наличие в поэзии И. Жданова компонентов, относящихся как к символистскому (например, творчество Вл. Соловьева, А. Белого), так и постсимволистскому (например, творчество В. Хлебникова, Б. Пастернака, О. Мандельштама и др.) литературным контекстам. Важнейшими из них являются, идущая от акмеизма, позднего Б. Пастернака и А. Тарковского, постсимволистская конвергентная интенция, выводящая лирическое высказывание в пространство межсубъектного взаимодействия и постулирующая фактор ответственности и соборного соучастия в отношении человека к Другому, и неклассическое восприятие мира как целокупного единства, непрерывного, простирающегося всегда и повсюду. Именно утверждение всеобщей целостности путем преодоления разобщенности людей и хаотического состояния мира становится аксиологической доминантой художественного мышления И. Жданова, во многом выражающей характерное для представителей неподцензурной поэзии 1970–1980-х годов кризисное, эсхатологическое мироощущение. Существенным является то, что «новая цельность»⁴ мира мыслится поэтом как *возвращение* через «обновление человеческого сознания»⁵ к изначальным духовно-нравственным ценностям, в которых воплощаются идеалы первозданной общности людей, единства с природным миром, опыт противостояния разрушительной стихии времени. Сюжетно-смысловое разворачивание генерализирующей данные аксиологические и мировоззренческие представления идеи *возвращения* в лирике поэта осуществляется на пересечении ряда культурно-мифологических и литературных контекстов. Прежде всего следует назвать христианский контекст, который, в частности, выражается в обращении поэта к библейскому сюжету о возвращении блудного сына и интенции Воскресения. Использование притчевого сюжета дает возможность подключиться к широкой литературной традиции по изображению героя в перспективе его духовного преображения. При этом И. Жданов, придерживаясь основ-

---

⁴ Гальперин, И. Возможность канона / И. Гальперин, И. Жданов // Арион. — 1996. — № 2. — С. 30.

⁵ Козлова, С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Жданова / С. М. Козлова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 164.

ной фабульной направленности библейского мифа, трансформирует некоторые его сюжетные составляющие, что указывает на полемическое отношение поэта к христианской и классической литературной традициям. Так, в одноименном стихотворении поэта возвращение блудного сына происходит не в отчий, а в материнский дом, отсылающий к «Письму матери» С. Есенина: «Выйдет мать на крыльцо, и в знакомом «Кто?»/отзовется облик в отпетом пальто,/отмелькавшем еще в довоенных зимах»⁶. Данное отличие принципиально, поскольку переориентирует христианский метафизический вектор, направленный на достижение Царства Божьего после всеобщего Воскресения в конце истории, на возвращение к Всеединству и одомашненности мира в земном бытии (сравним с архетипом «матери земли») и поиски в нем метафизических источников преодоления линейной необратимости времени. По этой причине проблема христианского Воскресения хотя и возникает в текстах поэта, однако не получает традиционного обоснования и осмысливается относительно интенции возвращения.

Исследования В. Я. Проппа и М. Элиаде показали, что мифоритуальной праосновой притчи о блудном сыне является переходный обряд инициации, который включает такие символические этапы испытаний адепта, как смерть, пребывание за чертой небытия и *возвращение*-возрождение в новом качестве. Именно ритуально-мифологическая семантика библейской притчи актуализируется в поэзии И. Жданова. Во второй половине XX века идея возвращения, в том числе несущая обозначенные архетипические смыслы, становится характерной приметой отечественного художественного мышления. Т. Л. Рыбальченко рассмотрела воплощение данной идеи в реалистической прозе 1950–1990-х годов и установила, что возвращение может трактоваться, например, как «восстановление нарушенных ценностей», трагическое прозрение личности, «повторяемость, не допускающая прорыва в другую реальность». При этом утверждения обретенных героем ценностей или знаний в качестве гармонизирующего (космизирующего) начала, обосновывает исследователь, в «меняющейся реальности»⁷ не происходит. На примере стихотворных текстов поэтов смежных поколений (Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, И. Бродский, Б. Кенжеев) мы попытались проследить некоторые особенности в идейно-ценностном наполнении темы возвращения в русской лирике второй половины XX века

---

⁶ Здесь и далее цит.: Жданов, И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии / И. Ф. Жданов. — М.: Наука, 2005. — 176 с.

⁷ Рыбальченко, Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — № 1. — С. 64.

(приложение № 1). Было выявлено, что отмеченные Т. Л. Рыбальченко тенденции в целом распространяются и на творчество обратившихся к данной теме представителей подцензурной и неподцензурной поэзии.

Преодоление разобщенности людей, восстановление целостности мира, модернистский комплекс переживания трагической катастрофичности бытия и разрыва с традицией Серебряного века, включенные в смысловое пространство идеи возвращения, выражаются через инвариантную сюжетную направленность развития лирических событий в поэзии И. Жданова, обеспечивающую единство его художественного мира. Инвариантная модель лирической событийности в стихотворных текстах поэта, вслед за Ю. И. Левиным и О. В. Зыряновым⁸, обозначена нами как *метасюжет* <возвращения>. Структурным ядром в ждановском метасюжете является событие прохождения лирическим «я» духовного пути преображения и утверждения совместно с Другими полученного метафизического опыта в мистериальном акте обновления Космоса.

Второй раздел озаглавлен «**Взаимодействие мифологических традиций в стихотворных текстах поэта**». Мифопоэтика И. Жданова и других поэтов-неомодернистов (Ю. Кузнецов, Л. Аронзон, О. Седакова и др.), с нашей точки зрения, контекстуально ориентирована на опыт представителей «неомифологического» направления и обусловлена типологически схожими культурно-историческими процессами, что привели к зарождению данного модернистского феномена в русской литературе конца XIX–начала XX веков. Речь идет, прежде всего, об отталкивании от «реалистической эстетики» в социалистическом варианте, предполагающей позитивистскую обращенность к объективной действительности, ориентированность на эмпирические ценности и возможности исторического прогресса, и о мифопоэтических поисках гармонизирующего начала мира. Последние мотивированы эсхатологическим мироощущением (при внешней социальной стабильности и защищенности) человека последней трети XX века.

Модернистский синтез одновременных мифологем в творчестве И. Жданова осуществляется на пересечении трех основных мифотрадиций — античной, христианской и национальной (славянская и алтайская мифологии). Национальная и христианская мифотрадиции совмещаются, например, в образе горы (или холма) в поэзии И. Жданова. Так, в одноименном стихотворении гора возле деревни лирического субъекта, отсылающая к биографическим реалиям из жизни автора, является, словно в алтайской мифологии, сакральным местом

---

⁸ Левин, Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю. И. Левин // Тютчевский сборник / под общ. ред. Ю. М. Лотмана. — Таллинн: Ээсти раамат, 1990. — С. 142–206. Зырянов О. В. Инвариантный сюжет преображения в русской лирике (Пушкин–Тютчев–Лермонтов) // Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 45–65.

(антиподом рукотворной вавилонской башни), аккумулирующим жизнь рода. В другом тексте поэта холм в метафизическом восприятии лирического субъекта предстает в качестве библейской Голгофы, где с двух антиномичных позиций осознается субъектом событие распятия Иисуса Христа: «И ты видишь в себе, что здесь поминутно/совершается *праздник и преступление*,/и на казнь волокут тропею распутной,/начинается подвиг, длится мученье». В качестве ближайшего контекста «Холмов» И. Жданова (1986 г.) в разделе рассмотрены стихотворения Н. Рубцова «Видения на холме» (1960 г.), И. Бродского «Холмы» (1962 г.), Л. Аронсона «Утро» (1966 г.) и рассказы В. Белова «Холмы» (1973 г.) и «На Росстанном холме» (1973 г.). Все эти произведения объединяет сакрализация природного объекта (холма) как места, наделенного особой энергетикой и историей. Причем катализатором видений на холме является объективированная личная или общечеловеческая память.

Третий раздел озаглавлен «Эсхатологическое в развитии лирических событий: к исходности метасюжета». Исследование эссеистики И. Жданова показало, что преодоление Хаоса и богооставленности мыслится поэтом путем деятельного участия всех людей в судьбе мира и переноса житнетворческой активности с макромира на уровень микромира (сознания и метафизических глубин бессознательного)⁹. Другими словами, человек является причиной эсхатологического состояния бытия, в то же время через активизацию заложенного в нем духовного потенциала возможно осуществление преобразования Космоса. Поэт стремится показать в творчестве, какие изменения в аксиологических ориентирах людей приводят к катастрофическим последствиям в мире, способным поставить под угрозу его дальнейшее существование. Помимо предостережения об опасности потребительского отношения к природе и нарушения фундаментальной связи человека с Богом, И. Жданов раскрывает посредством коррелирующих друг с другом мотивов куба, панорамного экрана и ниши ценностные сдвиги в мировосприятии современного человека. Если первые образы выступают в качестве моделей психики, управляющей поведением индивида, то ниша больше манифестирует социально-общественную принадлежность и бытийное самоопределение человека. Кроме того, ниша — это еще «узел и замок мира, отделяющий порядок от хаоса». Однако, несмотря на космологическую функцию, она становится источником самозванства, духовно-нравственной ограниченности человека, когда тот «лишается зрения», ставя свои интересы превыше всего, и теряет способность мыслить вне заданной нишей (в том числе и как системы общественного управления) парадигмы. Индивидуалистская обособленность от

---

⁹ См., например: Жданов, И. Ф. «... То, что снаружи крест, то изнутри окно» / И. Ф. Жданов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ivanzhdanov.com/article2.htm>

других людей погруженного в мнимое пространство ниши человека, обосновывает поэт, приводит к нарушению в его сознании механизма мировосприятия, основанного на принципе бинарного противопоставления фундаментальных категориальных понятий (добро-зло, любовь-ненависть, жизнь-смерть и др.). В результате «смерть» начинает подражать «очертаньям жизни», а сознание человека становится внутренне рассогласованным, раздвоенным в мерцающей неприкаемости: «... в чучело смерть норовишь/поместить и оттуда глядишь/на себя, как тупик, непреложен». Нише поэт противопоставляет столп и «абсолютную исповедальность» столпника, цельность человека за счет духовно-нравственной сосредоточенности в Боге, объективированной в виде совести. Разделенность людей на обособленные друг от друга ниши приводит к извечному повторению одних и тех же ошибок в истории, выраженному в лирике И. Жданова через лейтмотив детерминированного бега по замкнутому кругу катастрофической событийности: «Блуждает изнуренная игла/по кругу, и ушибами горит/черный, несмывающийся срез». Этот мотив включен в сюжетное пространство эсхатологического мифа в поэзии И. Жданова, что формируется согласно двум фабульным схемам, укорененным в мифологической традиции. Согласно первой схеме конечным событием в истории мира является окончательная вселенская катастрофа (например, иранская, иудаистическая мифологии). По данному архетипическому сценарию развиваются лирические события преимущественно в ранних стихотворениях И. Жданова. В более поздних стихотворениях поэта прослеживается другая схема развития эсхатологических событий, а именно циклическое чередование разрушения и восстановления Космоса, характерная для календарных мифов и мистериальных культов. Мистериальная направленность лирики И. Жданова, аккумулирующая ритуально-мифологический опыт архаической традиции, становится смыслообразующим фактором при формировании в основном корпусе стихотворных текстов поэта метасюжета возвращения.

Во второй главе «Метасюжет возвращения как элемент мифопоэтики И. Жданова», состоящей из двух разделов, изучаются особенности функционирования в стихотворных текстах поэта инвариантной сюжетной формы и выражения через нее ценностных ориентиров автора.

Первый раздел озаглавлен «**Путь субъекта и возвращение как мистерия преобразования**», в нем обосновывается возможность изучения ждановского метасюжета в двух основных контекстуальных проекциях. Первая — героические мифы или эпос, где главное действующее лицо проходит испытания, которые восходят к ритуальному праобразу (переходному обряду инициации)¹⁰ и включают такие этапы, как пребывание за чертой смерти (небытия), возвращение и осуществление демиургического претворения Хаоса в

---

¹⁰ Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. — 136 с.

Космос. Помимо блудного сына, поэт в стихотворных текстах обращается к мифологическим образам Одиссея, Орфея, Икара, Иова и др., чтобы раскрыть их архетипическую семантику в контексте духовных поисков лирического «я». Вторая контекстуальная проекция обозначена нами как психоаналитическая и рассматривалась преимущественно с опорой на исследования в этой области К. Юнга и Д. Кэмпбелла («Тысячеликий герой»). Знаками данного контекста в поэзии И. Жданова являются архетипические образы коллективного бессознательного (божественный младенец, тень, мать и т. д.), состояние сна, в которое погружено лирическое сознание (например, «Когда покой — лишь прошлого значенье», «Завоевание стихий»), и образы объективированного пространства психики человека (например, «Арестованный мир»). Воплощение метасюжета возвращения фиксируется как на уровне отдельных мотивов, частотно распределенных в стихотворных текстах поэта, так и на уровне текста или группы текстов, где в поэтических образах выявляется полная или редуцированная метасюжетная модель.

Пребывание лирического субъекта в загробном мире как этап метасюжета возвращения выражается по-разному в стихотворениях поэта, но непременно является неотъемлемой частью пути духовного преображения личности. Так, например, ад в поэзии И. Жданова предстает и как бесконечный детерминированный бег по жизни, и как разобщенность людей («Допустим, это ад, где каждому свое»), и как «превосходство истории» над человеком. Воплощение в художественном мире поэта ситуации, когда бытие, вследствие катастрофических сдвигов в истории, становится адом, рассматривается на примере поэтического цикла «Поезд». Причем устанавливается, что такое понимание ада в тексте создается преимущественно за счет модернистского подтекста («Сумерки свободы» О. Мандельштама, «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева и «Поезд» Н. Рубцова). Включенное в процесс ритуально-мифологической цикличности движение поезда во внутреннем мире последнего стихотворения цикла описано с точки зрения восстановления границ между мирами и разворачивания мистерии возвращения. Однако окончательной реализации смыслового потенциала метасюжета возвращения не происходит, поскольку лирический субъект (Одиссей), воплощая своей судьбой ход исторического времени, остается переживать в доме на колесах повторение в циклической перспективе одних и тех же эсхатологических сдвигов в бытии.

Мистериальное преображение лирического субъекта становится событийной основой в текстах «Жалоба игры», «Камень плывет по земле здесь или где-нибудь», «Рапсодия батареи отопительной системы», «Восхождение» и др. В программном для И. Жданова тексте «До слова», как и в «Поезде», на реализацию метасюжета возвращения работает включенность текста в традицию русского поэтического модернизма («Гамлет» Б. Пастернака,

крымско-эллинистические стихи О. Мандельштама, «Занавес» М. Цветаевой и др.). Лирический субъект осуществляет личную программу духовного возвращения — прорывается сквозь немоту небытия театра-сна и выступает со Словом. Но, в отличие от лирического героя «Занавеса» М. Цветаевой, субъект речи не способен в одиночку совершить демиургическое преобразование Космоса, так как в неомодернистском мире поэта это возможно сделать только совместно с Другими (зрителями-читателями), которые должны выйти из непробудного сна и стать участниками преобразования условности существования в полноту бытия. По такому сценарию развиваются лирические события в стихотворениях «Оранта», «Неон», «Неразменное небо», где после преобразования сознания людей начинается всеобщая мистерия возвращения, что приводит, как в последнем тексте, к восстановлению мироздания, в котором небо становится неразменным и соразмерным человеку.

Циклическому повторению трагических событий в глобальной истории как закону бытия, восходящему к учению Ф. Ницше о вечном возвращении, поэт противопоставляет ответственность людей перед миром и друг другом. По этой причине в творчестве поэта актуализируются как мистериальный элемент метасюжета возвращения архаические модели регулирования гармонии бытия путем ритуальной космоизации и обесценивания исторического времени. В данном ракурсе следует рассматривать, например, стихотворение «На новый год», где утверждается, что люди (лирическое «мы») должны принять на себя демиургическую функцию жрецов, как в годовых ритуалах, и осуществлять ритуальное возрождение Космоса. Последний представлен в виде модели ковчега, разделенного на ярусы-времена года. Данное стихотворение полемически соотносится с «Рождественским романсом» И. Бродского, в котором так же присутствует мотив плывущего Нового года (кораблика) и прослеживается ритуально-мифологический подтекст. Но если в тексте И. Жданова выражается вера в активизацию жизнестроительных потенций человека на основе восстановления архаического мировосприятия, то у И. Бродского космогоническая семантика празднования Нового года и Рождества нивелируется в очищенном от иллюзий понимании субъектом речи невозможности ритуального преобразования мира и преодоления трагизма существования человека.

Во втором разделе «**«Ода ветру» в аспекте метасюжета возвращения»** проводится системно-целостный анализ одного из ключевых стихотворений поэта. Через редкую для русской поэзии строфическую организацию текста Жданов прямо отсылает читателя к «народной батальной оде»¹¹ М. Лермонтова

---

¹¹ Пумпянский, Л. В. Стиховая речь Лермонтова / Л. В. Пумпянский // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. — М.: Языки Русской Культуры, 2000. — С. 366.

«Бородино». Ее закреплённость в массовом сознании россиян создает основание подключенности читателя к мистериальности события, а гимническое начало — основание для судьбоносного сражения за восстановление всеобщего порядка. Также было установлено, что «Ода ветру» по жанрово-тематическому наполнению восходит к «О чем ты воешь, ветер ночной?» Ф. Тютчева и «Оде западному ветру» П. Шелли (перевод Б. Пастернака). Оба поэта возрождают архаическую форму одического жанра, где гимническая составляющая была нераздельно связана с заклинанием.

И. Жданов, вслед за Ф. Тютчевым, изображает ветер в качестве субститута Хаоса, но если субъект речи в тексте классического поэта только прозревает за природным явлением бездну небытия, то во внутреннем мире текста неклассического поэта хаотическая стихия (как искомый элемент мистериальности) впускается в структурированное пространство Космоса. Хаотические изменения в мире передаются с помощью системы образов, ассоциативно соотнесенных с ключевым образом зеркала. Зеркальные поверхности в стихотворении поэта под воздействием ветра начинают, словно гладь воды, волноваться. Рябь на зеркалах интерпретируется с опорой на образный строй «Портрета отца», где аналогичная ситуация, выраженная в образе «зеркало вспашут», вводится в контекст ждановского метасюжета и обозначает процесс возвращения отца сквозь личную историю к первоначальной гармонии, целостности раннего детства. В «Оде ветру» подобное обновление мыслится поэтом в масштабе всего мира. Включение в этот процесс субъекта речи, что в четвертой строфе оказывается внутри зеркала, указывает на ритуальную природу лирического события рассматриваемого текста (сравним, например, с ролью зеркала в вакхических мистериях). В свою очередь, преодоление зеркала предполагает духовное преобразование лирического «я», когда в его физическое тело, подверженное тлению и распаду, может войти «предошущенье света». Таким образом, ветер выполняет не только хаотическую функцию, но и включается как динамическая сила в мистериальный процесс преобразования бытия и становится проводником, выводящим к свету. Представление о ветре как о божественном вестнике и источнике света восходит к библейской и индийской мифотрадициям. Наконец, исследование показало, что в «Оде ветру», как и в стихотворениях П. Шелли и Ф. Тютчева, синкретически взаимодействуют одическое и элегическое жанровые начала. При этом необходимая динамичность развития лирического сюжета создается за счет событийной ориентированности стихотворения И. Жданова на ритуально-мифологический контекст.

В третьей главе «Субъектная организация стихотворных текстов и образный язык И. Жданова», состоящей из трех разделов, рассматриваются основные формы субъекта лирического высказывания и образный строй стихотворных текстов поэта с точки зрения принципов функционирования субъек-

ектной и образной структур в неклассической лирике, взаимодействия порождающего и воспринимающего эстетических сознаний и реализации смыслового потенциала метасюжета возвращения.

Первый раздел озаглавлен «**Субъектная организация в свете авторской стратегии поэтического творчества и сочетание форм лирического высказывания в стихотворных текстах**». В работах исследователей поэзии И. Жданова фиксируются такие ключевые особенности субъектной структуры текстов поэта, как деперсонификация форм лирического высказывания (И. Е. Васильев, Л. П. Быков, Т. А. Снигирева, В. В. Абашев, М. Н. Эпштейн, А. А. Житенев), обращение к межсубъектным формам авторского присутствия в тексте (Е. А. Князева) и метафизическое освоение бытия лирическим «я», а также поиски им единства с Богом и миром (О. Н. Меркулова, О. Р. Темиришина). На материале эссеистики поэта был выявлен программный отказ его от лирического героя по причине отталкивания от творчества не только поэтов-шестидесятников (В. В. Абашев, М. Н. Эпштейн), но и поэтов Серебряного века. Связано это с тем, что в культурно-исторической ситуации последней трети XX века, по мысли И. Жданова, невозможно формирование лирического высказывания на основе онтологизации биографического опыта художника, поскольку сокрушительные силы мира, «как непредусмотренная ржа»¹², неизбежно бы выступали на облик субъекта. В то же время онтологическая проблематика поэзии модернизма первой трети XX века, в частности акмеизма, ориентированная на реализацию творческой программы восстановления соотносимости «истории и человека»,¹³ оказала влияние на поэта и выразилась в понимании отношения стихов к «освидетельствованию» как «нахождению равновесия между частным существованием и общей историей».¹⁴ Только для освидетельствования поэт вынужден был искать точку опоры не в самодостаточности своего существования (индивидуализме), как старшие модернисты, а в том, что предшествовало личному бытию, а именно в коллективном бессознательном и языке. Данная переориентация рассматривалась нами с точки зрения таких процессов, как общее обезличивание авторского «я» и признание диктата языка в речетворческой деятельности художника, что проходили в субъектной сфере неподцензурной поэзии последней трети XX века. При этом И. Жданов, проводя ревизию модернистской тра-

---

¹² Жданов, И. Ф. Беззащитное мужество Евгения Блажеевского / И. Ф. Жданов // Культура Алтайского края. — №1 (13). — Барнаул, 2014. — С. 50–53.

¹³ Левин, Ю. И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Russian Literature. Amsterdam. — 1974. — № 7/8. — С. 47–82.

¹⁴ Жданов, И. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова / И. Жданов, М. Шатуновский. — М.: Издательство университета истории культуры, 1998. — 88 с.

диции, не отказывается от профетического назначения художника и создает в творчестве образ поэта-медиума, проводника высшей воли, проводящая способность которого реализуется через поэтический язык: «Ты, как силой прилива, из мертвых глубин/извлекающей рыбу,/речью пойман своей, помещен в карантин,/совместивший паренье и дыбу». К тому же для поэта важно за счет рецептивной практики активизировать духовно-нравственный потенциал читателя, внеся свою лепту в общий процесс изживания немоты на пути к восстановлению целостности мира.

Изучение субъектной организации стихотворных текстов И. Жданова осуществлялось нами с опорой на подход С. Н. Бройтмана к исследованию форм лирического субъекта в неклассической поэзии, в основе которого лежит понимание межсубъектной природы лирического высказывания (ценностные отношения «я» и Другого, автора и героя). Анализ межсубъектных форм показал, что переход высказывания от одного субъекта к другому в границах одного текста сопровождается не только сменой точек зрения, но и интенций, направленных на Другого, в том числе и читателя, и формирует пространство конвергентного взаимодействия эстетических сознаний в лирике поэта.

Второй раздел озаглавлен «**Синкретические, диалогические и метатекстовые формы лирического высказывания**». В книгах поэта стихотворений, где лирический субъект смотрит на себя со стороны как на Другого, насчитывается более половины. Самыми распространенными являются случаи, когда Другой предстает «как состояние, отделенное от его носителя»¹⁵ (обычно традиционные образы «души» и сердца): «Но больно *видеть, что душа поката*»), обобщенно-неопределенный субъект — «он» и «ты», например: «или смерти *коснуться* и *глаз не закрыть, /или встать* в стороне — на себя посмотреть». Кроме того, взгляд на себя со стороны является не только формальным приемом для поэта, но и онтологической проблемой, что рассматривается им через категории «я»-осознаваемое, «я»-переживаемое и совести. Если первые две категории обозначают возможности самосознания человека (объектное, обусловленное временной дистанцией, и непосредственное восприятия), то в совести, по мысли поэта, происходит совмещение двух ипостасей «я», поскольку человек одновременно смотрит под духовно-нравственным углом на себя со стороны, соединяясь через душу с Создателем, и находится внутри ситуации, переживая ее.

Были выделены три типа синкретических субъектных форм в поэзии И. Жданова. Первый тип характеризуется наличием родственного фолькло-

---

¹⁵ Бройтман, С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики / С. Н. Бройтман. — М.: Изд-во РГГУ, 2008. — С. 52.

ру немотивированного перехода лирического высказывания от первого лица к третьему (или наоборот), в результате происходит появления «я» и Другого как феноменов диалогического присутствия в тексте единораздельного субъекта речи. Так, в «Рапсодии отопительной системы» и «Поезде» лирическое «я» становится нераздельным и неслиянным с Орфеем и Одиссеем соответственно. Второй тип определяется синкретическим сопоставлением лирического субъекта и явлений природного мира, обусловленным использованием в текстах образного языка параллелизма. В «Крещении», например, лирическое «я», пребывая в материнской утробе, находится в синкретическом единстве с природным миром: «Душа идет на нет, и небо убывает». К третьему типу отнесены случаи, когда одной и той же местоименной формой объединены несколько элементов субъектно-объектной системы текста. Местоимением «ты», например, в «Доме» синкретически соединяются в единораздельное целое участники лирического события — мать, субъект и дом. Устойчивость ценностно-мировоззренческих ориентиров субъектов речи в поэзии И. Жданова, определяющих единый облик ждановского человека, с нашей точки зрения, позволяет говорить об отсутствии в текстах поэта такой формы лирического субъекта, как ролевой герой. Чуть ли не единственным случаем, приближенным к ролевой лирики, можно считать текст «Псевдопророк», где поэт помещает субъекта речи (пророка) в прошлое, выводя его за рамки мистериального пространства. Наиболее продуктивными диалогическими формами в поэзии И. Жданова являются реплицированность, использование чужого слова и вопросы-предложения, непосредственно адресованные читателю. Вопросительные конструкции в тексте, актуализируя нравственно-интеллектуальный потенциал читателя, направлены на углубленное подключение воспринимающего сознания к лирическому событию: «Если линию жизни не спрятать в горсти,/то к кому не вернется с монетой Харон?». Ответом (репликой) на поставленный в эстетическом диалоге вопрос поэта-проводника становится рефлексия читателя по поводу прочитанного, синкретически обращенная как к автору, так и самому себе. С позиции формирования целенаправленного вектора восприятия у читателя были рассмотрены названия стихотворений в книгах поэта. Проведенное в конце раздела исследование метатекстовых компонентов в поэзии И. Жданова показало, что их нужно рассматривать не только с точки зрения описания языка описания (О. И. Северская), но и как зону межсубъектного взаимодействия, теоретически осмысленную в работах М. М. Бахтина и его последователей (С. Н. Бройтман и др.).

Третий раздел озаглавлен «**Синкретическая основа образного языка**», в нем фиксируется, что специалистами уже отмечался в образном языке поэта синкретический компонент, обуславливающий онтологическую целостность его мировосприятия: М. Н. Эпштейн (метабола), К. А. Кедров (метаметафора),

О. Р. Темиршина (символ), С. М. Козлова (дологический и архетипический язык). С этой позиции интерпретируется предложенный поэтом тип образа «обратное сравнение», отличный от общеизвестного тропа. Принцип его действия основывается на парадигматическом приведении различных пространственных образов к заранее не существующему, но подразумеваемому образцу-парадигме. Было проведено сопоставление авторского типа образа с архаическим образным языком кумуляции и символической образной структурой, применяемой в стихотворениях поэтов-символистов. Однако при комплексном изучении функционирования обратного сравнения в текстах «Портрет отца», «Неон», «Поезд», «Джаз-импровизация» обнаружилось, что между элементами парадигмы существуют устойчивые тропеические связи. Данное положение интерпретируется в свете исследований С. Н. Бройтмана, а именно применяемого им принципа художественной модальности, базирующегося на сочетании синкретического и тропеического образных языков в стихотворных текстах неклассических поэтов. Обосновывается связь с творческой установкой поэта актуализации в его текстах таких архаических типов образного языка, как параллелизм (двучленный, многочленный, отрицательный, одночленный), символ-приложение, творительный превращения (метаморфоза). Раскрываются особенности наполнения их новыми формами художественного выражения. При этом в поэзии И. Жданова, как показало исследование, традиционные формы образного языка тропа (метафора, сравнение и т. д.) также являются выразителями синкретической целостности: «Соединенье этих рук равно сближению деревьев,/когда их тени не скрывают, как друг от друга далеки». Также было выявлено, что поэтом используются народнопоэтические символы (огонь, река, кровь, зима и др.), расширяющие за счет онтологической глубины значения содержание стихотворных текстов, например: «*Мороз* в конце зимы трясет сухой гербарий/и гонит по стеклу безмолвный шум травы,/и млечные стволы хрипят в его *пожаре*». Причем возникающие вокруг отдельных символов семантические цепочки вплетаются автором в систему образов нескольких текстов, что приводит к появлению между текстами общего смыслового пространства. В аспекте актуализации исконных представлений, покоящихся в языке, рассматривается раскрытие внутренней формы поэтической лексики И. Жданова, например: «Приятно *исцелять* и *целовать*,/быть *целым* и другого не *желать*». Делается вывод, что обозначенные особенности образной организации, наряду с синкретическими, диалогическими и метатекстовыми субъектными формами в стихотворных текстах поэта, создают условия для более глубокого погружения сознания адресата-читателя в эстетическое пространство авторского мифа, включенного в качестве теургического элемента в мистериальный процесс преобразования мира.

В **заключении** подводятся итоги исследования и обозначаются возможные перспективные линии его продолжения. В диссертации имеются три **при-**

ложения: 1) К теме возвращения в русской поэзии второй половины XX века; 2) Личные субъектные формы и высказывание от грамматически невыраженного субъекта в поэзии И. Жданова; 3) Рифма И. Жданова в аспекте проблемы историко-литературного контекста.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в поэзии И. Жданова традиция русского поэтического модернизма получает продолжение и развитие в соответствии с культурно-историческим контекстом последней трети XX века. Об этом свидетельствуют особенности индивидуального авторского мифа поэта, который актуализирует и опыт христианско-эллинической духовности, и жизнетворческий потенциал ритуально-мифологических традиций, и символистские поиски трансцендентной основы бытия, и постсимволистскую ориентированность на конвергентное взаимодействие творческих сознаний. Системно-целостное исследование субъектной организации и образного языка также показало укорененность творческого опыта И. Жданова в неклассической традиции лирики, сформировавшейся в художественных практиках поэтов-модернистов начала XX века (синкретические, диалогические, метатекстовые субъектные формы, неклассический первообраз и т. д.). В то же время культурно-исторические процессы во второй половине XX века, что привели к парадигматическим изменениям в неклассическом художественном мышлении, отразились и на поэтике творчества И. Жданова. В частности, поэт осуществляет в стихотворных текстах деперсонализацию лирического субъекта, отказавшись от построения высказывания на основе личностно-биографического опыта автора, нивелирование демиургической потенции субъекта речи, характерной для раннемодернистских текстов, и ориентирует лирическое «я» на Другого (субъекта, Бога, читателя и т. д.), в единстве с которым моделируется в текстах возвращение к целокупному единству бытия. Таким образом, в творческой лаборатории поэта проходила работа не только по восстановлению прерванной традиции, но и формировались новые принципы и основания поэтического письма, изменившие облик современной русской поэзии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях
и журналах, определенных ВАК РФ:**

1. Чижов, Н. С. Эсхатологический миф в поэзии И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Соловьевские исследования. — Иваново: Изд-во ИГЭУ, 2014. — № 3. — С. 58–67.
2. Чижов, Н. С. «Ода ветру» И. Ф. Жданова в культурно-исторической перспективе / Н. С. Чижов, С. А. Комаров // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2015. — № 1. — С. 117–125. — 0,5 п. л./0,3 п. л.

3. Чижов, Н. С. Взаимодействие мифологических традиций при формировании поэтических образов в стихотворных текстах И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Филология и человек. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. — № 4. — С. 143–150.
4. Чижов, Н. С. Метасюжет возвращения в поэзии Ивана Жданова / Н. С. Чижов, С. А. Комаров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. — Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2016. — № 4. — С. 102–114. — 0,7 п. л./0,5 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Чижов, Н. С. Поэзия И. Ф. Жданова в критическом и литературоведческом освещении / Н. С. Чижов // От текста к контексту. — Ишим: Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова, 2013. — Вып. 1. — С. 99–105.
6. Чижов, Н. С. Феномен апокалиптического в структуре поэтического мышления И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Экология языка на перекрестке наук: сборник статей 4-й международной научной конференции. — Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2014. — С. 111–116.
7. Чижов, Н. С. «Ода ветру» И. Ф. Жданова: опыт анализа стихотворного текста / Н. С. Чижов // От текста к контексту. — Ишим: Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова, 2014. — Вып. 2. — С. 125–132.
8. Чижов, Н. С. Мистериальный сюжет в стихотворных текстах И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. — Ишим: Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова, 2014. — № 1 (13). — С. 100–112.
9. Чижов Н. С. Метатекст в поэзии И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Дергачевские чтения-2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 134–138.
10. Чижов, Н. С. Синкретическая основа образного языка поэзии И. Ф. Жданова / Н. С. Чижов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. — Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2015. — № 4. — С. 146–158.
11. Чижов Н. С. Субъектная организация лирики Ивана Жданова (книга «Воздух и ветер») в свете авторской стратегии поэтического творчества / Н. С. Чижов // Множественность интерпретаций: язык и литература в 21 веке: материалы IV студенческой научно-практической конференции ТюмГУ. — Тюмень: Вектор Бук, 2015. — С. 152–157.

Подписано в печать 30.06.2017. Тираж 120 экз.
Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60×84/16. Заказ 453

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-81, 59-74-68
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru